

63.3 (2Рос-4 Вост.)

Б20

245562

НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ

ЧАСТЬ I

ДОРОГА ЖИЗНИ

До боли нам ясен долгий путь.
А. Блок

Глава первая

Прощай, Вологда!

- Так Вы не держите на меня зла, Александр Викторович, - подавая руку, сказал Кудрявый.

- Помилуйте, Виктор Андреевич, - отозвался Арапов, посмотрев на Кудрявого взглядом, в котором были и сожаление, и любопытство, словно в этот прощальный миг что-то новое открылось ему в нём. - Ведь Вы, можно сказать, ни при чём. Благодарствую за хлопоты.

- *Au revoir, madame**, - Кудрявый поцеловал руку, которую неохотно, из приличия подала ему супруга губернатора. - Счастливого пути, до свидания.

Арапов усмехнулся:

- Вы полагаете, мы ещё увидимся?

- Как знать, - Кудрявый и сам улыбнулся этому машинально - привычному «до свидания». - Пути Господни неисповедимы.

- Нет уж, лучше - прощайте. И знаете... - Арапов помедлил: стоит ли говорить?

- Да, да, - быстро, с готовностью к спору повернулся в дверях купе уже уходивший Кудрявый. - Вы что-то хотите сказать?

- Саша, - супруга осторожно дотронулась до его плеча.

* До свидания, мадам (франц.).

Арапов погладил её руку.

- Не тревожься, Маша. Не оракул я, Виктор Андреевич, но, помяните моё слово, - не кончится всё это добром. Самодержавие - наша святыня. К сожалению, я стал понимать это слишком поздно. И не только я. А поднявшего руку на святыню рано или поздно ждёт возмездие. Мне отмщение и аз воздам.

- Ах, вот что, - в глазах Кудрявого заиграл тот огонёк, с каким он ещё не так давно спорил с ним в губернском земском собрании. - А говорите, что не держите зла. Эх, Александр Викторович. Эх, Ваше Высокопревосходительство...

- Нет, нет, не надо, - протестующе поднял руку Арапов, не желая выслушивать уже десятки раз слышанное. - Прощайте, с Богом. Хотя, действительно, всё возможно. Может быть, учредительное собрание выскажется за конституционную монархию. Тогда как знать.

- Да, да, прощайте, - заторопился уходить Кудрявый, услышавший в голосе губернатора хорошо знакомые ему гневные нотки.

Арапов сел на мягкий диван, взял в ладони руку жены, равнодушно смотрел, как Кудрявый идёт по перрону. Спасибо хоть проводил до вокзала, всё же дети, жена со мной. Хоть какая-то остратка для этих распоясавшихся негодяев, а то ведь они и камнем запустить могут. Им ведь, как говорят здесь, в Вологде, хоть бы хны. Маша смеялась до упаду, когда услышала это от поломойки. Какая может быть хна здесь, в этом медвежьем углу!

Почему же у них с самого начала всё временное? Временный комиссар Временного правительства. С первых дней ничего постоянного. Что же будет впереди? Кудрявый садится в пролётку, оглядывается. Неужели думает, что я махну ему? Машет. Придётся ответить. Нет, кто бы подумать мог, что этот демагог, по-русски пустобрех, станет во главе губернии. Бог мой, сколько за последние год-полтора народилось прохвостов, которые «уверенно знают», как сделать Россию счастливой. Вот и Виктор Андреевич почтенный, окончил курс университета, адвокатствовал, защищал себе подобных, арестован, выслан, и надо же - заправлял в губернской управе, был членом Государственного Совета. Зачем их туда пускали, закоренелых врагов государства? В голове нет ничего, кроме недоношенных мыслишек о свободе, равенстве и т.п. Честно служи

Престолу и Отечеству, тут тебе все: и *liberté* и *egalité**. А сына какого воспитал - государственного преступника. От чахотки, должно быть, молодым в тюрьме умер... Глянув на детей, молчаливо прижавшихся к матери, Арапов перекрестился.

Он временный, а ты зато бывший. Странно чувствовать себя бывшим, когда ты тут, настоящий.

За окном вагона мельтешил народ: бабы, мужики, солдаты. Что произошло с людьми? Разве не этот народ четыре года назад с благоговением внимал песне:

*Всегда Твоей державой
Хранимые, как встарь,
Вернёмся мы со славой
К Тебе, наш Государь.*

Что случилось с народом? Как, почему отрёкся Государь? И вот революция... Вроде бы теперь всё поутихло, исчезли с улиц толпы с красными флагами, выговорились митинги, иссякли всевозможные собрания: гимназистов, приказчиков, сестёр милосердия, местного общества сионистов, врачей, но в воздухе словно разлито тревожное ожидание чего-то, будто висит над домами тусклый, прозрачный, жуткий туман. Как в кошмарном сне, вокруг тебя яркий, слепящий, но не живой свет.

Дверь купе отворилась, и в проёме нарисовалась противная физиономия местного газетчика, подвижного пузана с масляными, живыми глазёнками, с курчавым хохолком над вспотевшим, начавшим лысеть покатым лобишком.

- Александр Викторович, добрый день, рад Вас видеть, моё почтение, сударыня, целую ручки, несколько слов для нашей газеты...

Арапов скрипнув зубами: «Ровню себе нашёл, сударыню, хам», мрачно обронил:

- Пошёл вон.

- Но, Александр Викторович, - не унимался наглец, - отчего же сразу вон? Я имею право на получение информации.

- Почему? - обратился к нему Арапов полный ненависти взгляд. - Во-первых, потрудись говорить на русском, а не на собачьем языке

* Свобода и равенство (франц.).

ке. А во-вторых, вот почему, - и он показал вралю знаменитый в атлетическом кружке кадетского корпуса кулак.

- Только троньте, - не сробев, петушился бесстыжий строчкогон. - У нас нынче свобода. Я имею право у Вас спрашивать.

- А я имею право не отвечать на расспросы мерзавцев. Ты кто?

- Никандр...

- Неинтересно мне твоё имя. Ты кто?

- Репортёр «Вологодского листка».

- А я - частное лицо, и не обязан с тобой лясы точить. Поэтому - вон!

Газетчик злобно нахмурился, что-то забурчал, как пнутый дворовый пёс.

- А впрочем, погоди, - остановил его Арапов. - Вот ты здесь о свободе балаболит, так объясни мне, за что госпожу Караулову, смелую русскую женщину, арестовали?

- Это которая месяц назад царю телеграмму послала, чтобы он Думу разогнал, а то сызнава девятьсот пятый год начнётся?

- Во-во, её самую. Свобода-то ваша по разрешению получается, по шерсти гладишь - свобода, против - пожалуйста в тюрьму.

- А правильно. Потому она слуга старого режима и стояла на пути светлого царства свободы...

Александр Викторович Арапов, человек склада души порывистой, буйной, но отходчивой, на какое-то мгновение проникся сочувствием к наёмному щелкопёру, но, глянув на его лицо, в его восторженно-тупые глаза, в глаза человека, искренне верящего в произносимую им галиматью, безнадежно махнул рукой:

- Что с вами говорить. Скажете и напишете, что угодно, лишь бы заплатили. Право слово, гулящие девки в домах терпимости честнее вас, те хоть знают, что грешат, а на ваш грех и заповеди нет. Так что катись, пока цел!

Репортёр шагнул назад, за порог купе, и, понимая, что всё потеряно, пари с метранпажем проиграно, спросил с мстительной, собачьей мыслью, стрельнув взглядом в жену губернатора:

- А Вы там бывали, Ваше Превосходительство?

- Кто? Где бывал? - не понял Арапов. Лицо его вдруг побагровело. - Убью! - взревел он, вскочил с обитого алым бархатом дивана,

рванулся в коридор за трусливо брызнувшим прочь негодяем, но супруга вцепилась в рукав:

- Саша, милый, не надо, не надо.

- Папочка, папа! - закричал сын.

Александр Викторович, тяжело дыша, сел на диван, дрожащей рукой пригладил густо поседевшие за последние две недели волосы. Все переживания минувших дней, невозможность понять, разумно объяснить происходящее словно воплотились в морде этого хама. Потрясение от отречения Государя, толпы, охваченные повальным безумием, с красными флагами, пение бредовых песен, немислимые ещё недавно разнузданные фельетоны в газетах с разоблачениями «преступлений» Августейшей семьи. Свобода слова у них. Какого слова? Собирать сплетни, слухи, отвратительное, подлое враньё и тискать в своих, - он покосился на детей, - газетёнках, жёлтых листках... Свобода гнилого, злобного, помойного слова. Хуже того. Шайка горлопанов каждый вечер, словно исполнители серенады под окном испанской красавицы, регулярно, в течение недели являлась вечером под балкон его дома и с пьяным рёвом, визгом и свистом орала революционные песни. Орала с таким яростным, злобным вдохновением, что в доме положительно негде было укрыться, похабное пение просачивалось, казалось, даже сквозь стены. Жена бледнела, дети плакали, а он не мог выйти из своего дома, чтобы разогнать эту орду - у двери стоял солдат с винтовкой. Это унижение было горше всего. Он не мог покинуть своё жилище без разрешения тех, кто вчера пресмыкался перед ним.

- Саша, не переживай. Не надо. Подумай о своём сердце.

- Милая Маша, как тяжело. За что? За что? Как губернатор, как человек, обладающий властью, я должен был наказывать, карать врагов государства. Но лично я никому зла не сделал. И ты знаешь.

- Знаю, дорогой мой, знаю.

- И вот врывается хам, видите ли, он имеет какие-то права, а я их не имею.

За окном глуховато звякнул станционный колокол. Паровоз издал протяжный басовитый гудок, дёрнул вагоны, и перрон тихо, нехотя тронулся за окнами, поплыл. Поезд миновал Богородскую кладбищенскую церковь с новой часовней праведного Николая

Рынина, железнодорожные мастерские, и сразу потянулись ещё покрытые снегом поля. Начало марта. По утрам вызванивают весну, куют ей тропинки своими звонкими молоточками бойкушисинички, лунки вокруг деревьев всё глубже и шире, всё синее снег в тени, но до настоящей весны, с праздничным солнцем, с весёлыми зеркальцами луж, с говорливыми ручьями, с постанывающей ночью под ледовым гнётом рекой, до такой весны ещё далеко. Ну, не так уж далеко...

Картины природы успокоили Арапова, он достал из портсигара с Императорским вензелем (того и гляди портсигар придётся прятать при нынешней свободе) папиросу, закурил.

Жена ушла в комнату отдыха, а Саша, забравшись с ногами на диван, рулил на моторе. Сын так страстно мечтал стать шофёром, что жена даже отнимала у него блестящее никелированное колесо от швейной машины «Зингер», которое он где-то нашёл на улице. С тех пор это была его любимая игрушка. «Почему шофёр, Александр? - пеняла ему жена. - Окончишь гимназию, поступишь в лицей или в кавалерийское училище, как папа. Есть кому кроме тебя быть шофёром, ты же губернаторский сын!» Однако у детей свои причуды. Ведь когда ему самому было лет десять, он смотрел, как дворник Фёдор сноровисто разгребает снег у крыльца в имении, как взлетает с широкой деревянной лопаты, искрится на солнце невесомая снежная пыль, и помечталось же ему: как славно быть дворником!

- Саша, - сказала жена из комнаты отдыха, - уезжаем из Вологды, а город как следует и не посмотрели.

- Когда же смотреть, ma chere?* - Арапов погладил по голове подбежавшего приласкаться сына. - Такова жизнь губернатора, особенно сейчас, когда идёт война. И долго ли мы были в Вологде, два месяца с небольшим. Первые две недели из кабинета не выходил, читал документы, посетители с утра до ночи, совещания, поездки. Даст Бог, уляжется эта кутерьма, приедем сюда и посмотрим город. Летом, говорят, он чудо как хорош.

- Даст Бог, - повторила чуть слышно жена и добавила громче: - Ты знаешь, с нами в поезде едет Михаил Николаевич Астраханцев.

* *Моя дорогая (франц.).*

- Не может быть! - Арапов встрепенулся, и всё мрачное, тягостное исчезло с его лица, его озарила ясная улыбка.

- Правда, правда, - подтвердила жена, - Я видела, как он торопился к вагону. Его саквояж, и пальто, да разве я не знаю Михаила Николаевича. Только ведь он же хотел погостить в Покровском.

- Не до гостеванья, когда такие дела творятся. Поехал к семье. Пойду его искать. Спрошу у кондуктора, он должен знать.

- Осторожнее, Саша, - сказала жена.

- Папочка, я с тобой, - ухватил отца за руку сын. - Я тоже хочу видеть oncle Michel.* Он обещал подарить мне игрушечный автомобиль.

С трудом доказав сыну, что путешествие между вагонами небезопасно, Арапов отправился на поиски старинного друга.

Глава вторая

Попутчики

Михаил Николаевич Астраханцев, верный своей привычке, от которой страдал всю жизнь и никак не мог от неё избавиться, а порой даже любивший прихвастнуть ею, опять едва-едва не опоздал на поезд.

Жители Вологды в тот день были немало удивлены картиной мчавшейся во весь опор пролётки. Извозчик нахлестывал взмыленную лошадь, а пассажир, стоя во весь рост, кричал, нимало не смущаясь прохожих и зевак:

- Гони, братец, гони! Уйдёт поезд без меня, непременно уйдёт!

Не дождавшись, когда пролётка остановится у вокзала, пассажир, словно был он не степенный мужчина, а юноша, лихо соскочил с пролётки и, держа на отлёте втугую набитый и, судя по всему, увесистый саквояж, стремглав помчался к поезду. Паровоз, издав змеиный шип, окутался клубом белого пара, шатуны дрогнули, проворачивая колёса, когда странный пассажир подбежал к синему вагону, суматошно заколотил по двери кулаком.

- Ух, тяжело, дай дух переведу! - вытирая в вагоне пот со лба и

* Дядю Мишеля (франц.).